

1941

Эмануіл ЮФЕ

Эвакуацыя насельніцтва БССР летам 1941 года: сведчанні дакументаў, успаміны відавочцаў, меркаванні даследчыкаў

БГПУ + 9(476)27

ЮФЕ Эмануіл Рыгоравіч — прафесар кафедры паліталогіі і права Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка, доктар

гістарычных навук. Нарадзіўся ў 1939 г. У 1961 г. закончыў гістарычны факультэт БДУ, у 1996 г. — Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы і гуманітарнай адукацыі. Працаваў настаўнікам гісторыі, быў прарэктарам Яўрэйскага народнага ўніверсітэта (1995—1998 гг.), прафесарам кафедраў кананікі, сацыяльных навук і іўдаікі Міжнароднага гуманітарнага інстытута БДУ (1999—2004 гг.). Член Беларускага Саюза журналістаў. Аўтар больш за 1600 навуковых, навукова-папулярных і метадычных публікацый па пытаннях гісторыі і гістарыяграфіі Беларусі, гісторыі і культуры яўрэяў Беларусі, аб знакамітых ураджэнцах Беларусі, у тым ліку кніг "Советские военачальники на белорусской земле" (Мн., 1988), "Страницы истории евреев Беларуси. Краткий научно-популярный очерк" (Мн., 1996), "Иностранные евреи в Тростенском лагере смерти" (Мн., 2000), "Белорусские евреи: трагедия и героизм" (Смаленск, 2003), "История Беларуси XVIII—XX веков. Учеб. метод. пособие" (Мн., 2003), "Когда и зачем Гитлер и другие высшие чины нацистской Германии приехали в СССР?" (Мн., 2010).

На працягу доўгага часу ў савецкіх выданнях, прысвечаных Вялікай Айчыннай вайне, правядзенне эвакуацыі з неакупаваных тэрыторый СССР падавалася як паспяхова праведзеная работа пад кіраўніцтвам Камуністычнай партыі, І.В.Сталіна і яго папличнікаў, а з неакупаванай тэрыторыі БССР — пад кіраўніцтвам першага сакратара ЦК КП(б)Б П.К.Панамарэнкі. Так, у энцыклапедыі "Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне. 1941—1945", выдадзенай у 1990 г., у артыкуле "Эвакуацыя" сцвярджалася: "...Эвакуацыя на Беларусі праходзіла ў складаных абставінах. Да канца першага тыдня баявых дзеянняў заходнія і цэнтральныя вобласці Беларусі былі акупіраваны, што практычна сарвала магчымасць масавай эвакуацыі прадукцыйных сіл з гэтых раёнаў. 25.6.1941 арганізавана Цэнтральная эвакуацыйная камісія пры СНК БССР на чале са старшынёй СНК І.С.Былінскім (намеснікі старшыні — І.А.Захараў, І.А.Крупеня і інш.). Камісія ўзначаліла работу ў Магілёўскай, Віцебскай, Гомельскай і Палескай абласцях, якія таксама аказаліся неўзабаве пад пагрозай акупацыі. У ліпені 1941 бюро ЦК КП(б)Б прыняло дадатковыя меры па ўзмацненню тэмпаў эвакуацыі... З ліку грамадзянскага насельніцтва ў першую чаргу эвакуацыі падлягалі дзеці. На ўсход у чэрвені—жніўні вывезена больш як 190 дзіцячых устаноў (каля 16,5 тыс. дзяцей). У Мінску, Оршы, Полацку, Віцебску, Магілёве, Крычаве, Гомелі, Лоеве і іншых абласных і раённых цэнтрах былі арганізаваны 24 эвакуапункты, дзе насельніцтва атрымлівала дапамогу харчаваннем, адзеннем, медыкаментамі, транспартам. На гэтыя патрэбы СНК БССР выдзеліў 3 млн руб. У кожны эвакуапункт накіроўваліся ўпаўнаважаныя ЦК КП(б)Б і ўрада рэспублікі. Усяго ва ўсходнія раёны краіны — у Паволжа, на Урал, у Заходнюю Сібір і інш. — выехала каля 1,5 млн працоўных Беларусі..."¹.

Як дасягненне Камуністычнай партыі ацэньваў эвакуацыю першы сакратар ЦК КП(б)Б Панцеляймон Кандратавіч Панамарэнка. Адказваючы ў 1978 г. на пытанне гісторыка Г.А.Куманёва: "Какова Ваша агульная ацэнка эвакуацыі, праведзенай у рэспубліцы ў першыя месяцы вайны?", ён пісаў: "Это была грандиозная производственная операция, не имевшая в истории стран и народов аналогов по своим масштабам, срокам и результатам. Следует иметь в виду, что перемещение на восток миллионных масс населения и материальных ценностей осуществлялось зачастую под огнём врага, в условиях острой нехватки транспортных и погрузочных средств, а также рабочей силы. Не имели мы и необходимого опыта в таком сложном деле. Но этот процесс в целом не был стихийным, и глав-

ная цель — спасти от врага людские и материальные ресурсы страны — была достигнута.

...Уже на второй день войны, 23 июня 1941 г., бюро ЦК КП(б)Б, проанализировав военное положение, пришло к выводу о необходимости развернуть эвакуацию. Это было нелёгкое решение. Еще тяжелее было ставить данный вопрос перед ЦК ВКП(б) и правительством.

В середине дня позвонил Сталину и после краткой информации сообщил ему о нашем решении. Он удивился и спросил: "Вы думаете, это надо делать? Не рано ли?".

Я ответил: "Обстановка сложилась такая, что в половине западных областей республики (в Брестской, Белостокской, Пинской, Барановичской) широкая эвакуация уже невозможна. Боюсь, что опоздание с этим для Минска и восточных областей станет непоправимым".

Подумав, Сталин сказал: "Хорошо, приступайте к эвакуации. Кроме населения и особенно детей, родители которых ушли на фронт, вывозите наиболее важную часть государственных и партийных архивов и государственные ценности, какие считаете необходимым вывезти в первую очередь. Делайте это так, чтобы не создать паники и сохранить порядок. Все должны понимать, что эвакуация — это тоже элемент войны".

Приступив первоначально к частичной эвакуации, мы создали республиканскую эвакуационную комиссию под руководством председателя Совнаркома БССР И.С.Былинского. 24 июня в соответствии с решением бюро ЦК КП(б) Белоруссии началась эвакуация из Минска женщин и детей. Город подвергался почти непрерывным бомбардировкам.

Военная обстановка для многих районов становилась настолько угрожающей, что через несколько дней ЦК КП(б)Б и правительство республики поставили вопрос об общей эвакуации. После получения от нас шифровки об этом Сталин позвонил и сказал, что наше предложение об общей эвакуации санкционируется. Вечером того же дня он вновь позвонил и сказал: "К вашим мероприятиям по эвакуации добавьте "и лошадей". Я ответил: "Мы, конечно, имели в виду, тов. Сталин, и эвакуацию лошадей. В шифровке мы не указали об этом, потому что считали это само собой разумеющимся, поскольку в связи с острым недостатком авиа и автотранспорта лошади являются не только объектом, но и средством эвакуации".

С огромным напряжением, в условиях вражеских бомбёжек и встречных перевозок к районам боевых действий осуществлялся вывоз населения и материальных ценностей. Были разработаны маршруты движений с использованием просёлочных дорог, чтобы не мешать движению войск и снабжению действующей армии. Повсеместно, особенно на узловых станциях, были организованы пункты питания и оказания медпомощи эвакуируемым, заправка горючим автомашин, снабжение фуражом лошадей и угоняемого скота...

18 августа 1941 г. в своей докладной записке на имя председателя ГКО И.В.Сталина я сообщил, что "все 83 наиболее значительных завода из БССР эвакуированы полностью". В восточные районы страны удалось вывезти 16 911 единиц ценного оборудования, 832 тонны цветных металлов, 44 км силового кабеля, более 3 400 вагонов готовой продукции и свыше 2 130 вагонов металлолома. Из республики в глубокий тыл перебазировалось 109 крупных и средних промышленных предприятий...

Хотя быстрое продвижение немецко-фашистских войск не позволило организовать широкую эвакуацию из западных областей Белоруссии, тем не менее, как свидетельствуют приведённые выше данные, в целом по республике все же успели сделать немало"².

З гэтых радкоў вынікае, што эвакуацыя была своечасова арганізавана. Асобныя архіўныя дакументы пацвярджаюць, што ЦК Кампартыі Беларусі прадпрымаў меры па эвакуацыі насельніцтва, асабліва дзяцей. Так, на пасяджэнні Бюро ЦК КП(б)Б 24 чэрвеня 1941 г. разглядалася наступнае пытанне:

"Слушали: Об эвакуации детей и матерей из г. Минска.

Постановили: В связи с интенсивными бомбардировками г. Минска считать необходимым проинформировать немедленную эвакуацию детей и матерей из города.

а) Минскому горисполкому представить весь имеющийся автотранспорт города для этих целей;

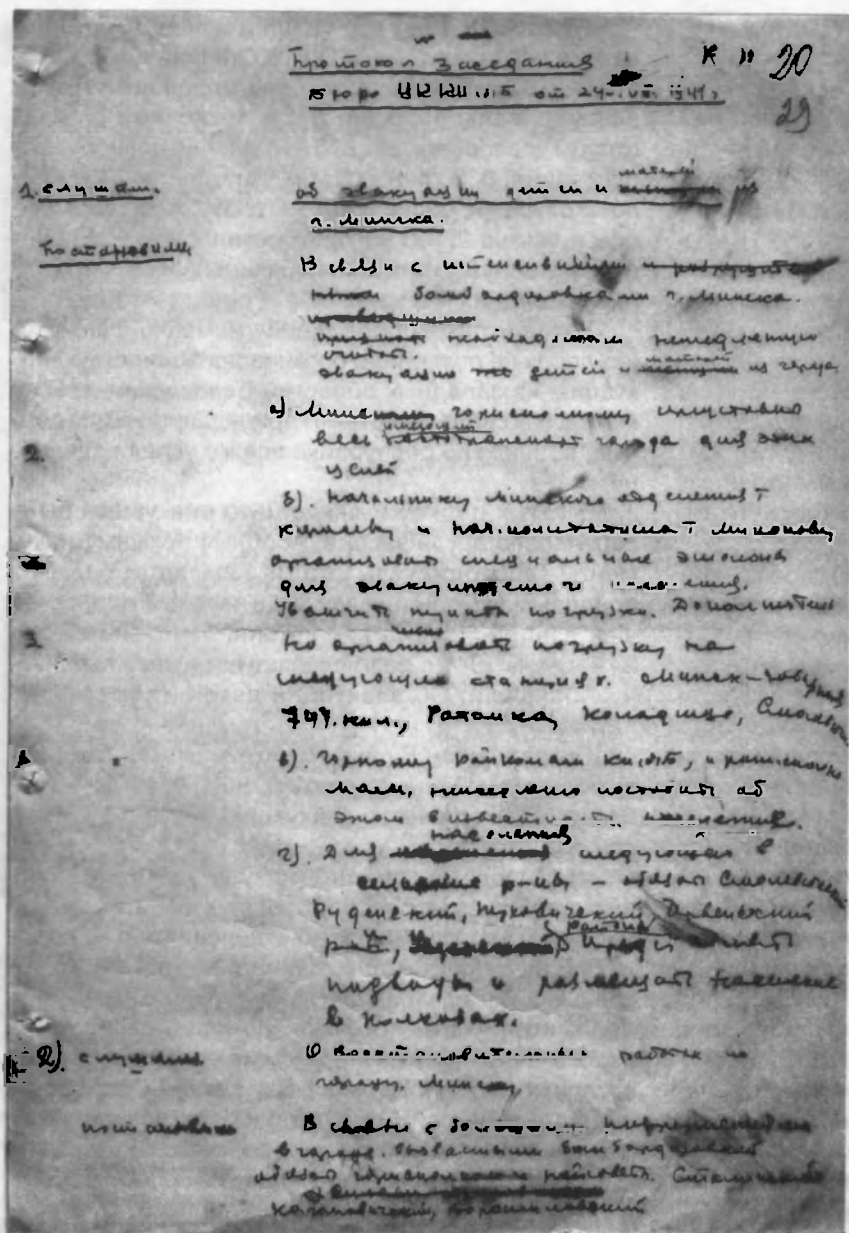
б) начальнику Минского отделения ж.д. т. Королёву и нач. политотдела т. Миронову организовать специальные эшелоны для эвакуируемого населения. Увеличить пункты погрузки. Дополнительно организовать погрузку на следующих станциях: Минск-Товарная, 747 км, Ратомка, Колодищи, Смолевичи;

в) горкому, райкому КП(б)Б и райисполкомам немедленно поставить об этом в известность население;

г) для населения, следующего в сельские районы. Обязать Смолевичский, Руденский, Пуховичский, Червенский и Узденский районы представлять подводы и размещать население в колхозах"³.

Аднак галоўная ўвага надавалася эвакуацыі сакратар архіваў, асобных заводаў, фабрык, абсталявання, сельскагаспадарчай тэхнікі і жывёлы, асабліва коней. Для аказання раёнам дапамогі па эвакуацыі прадпрыемстваў, камбайнаў, трактараў, жывёлы, збожжа і насельніцтва (у такім парадку прыводзіцца эвакуацыя з БССР у дзённіку працы ЦК КП(б)Б з 22 чэрвеня па 19 жніўня 1941 года. — Э.І.) 29 чэрвеня 1941 г. была накіравана група работнікаў ЦК КП(б)Б і СНК БССР: у Гомельскую вобласць — сакратар ЦК КП(б)Б І.П.Тур і намеснік Старшыні СНК БССР І.Ф.Валошын з групай наркамаў; у Віцебскую вобласць — сакратар ЦК КП(б)Б І.І.Рыжыкаў і намеснік Старшыні СНК Беларусі А.С.Шаўроў з групай наркамаў; у Палескую — сакратар ЦК КП(б)Б В.Я.Улашаў, намеснік Старшыні СНК БССР І.А.Крупеня.

6 ліпеня для аказання дапамогі па правядзенню эвакуацыі, у тым ліку і насельніцтва, у Магілёў, Го-

Фрагмент пратакола пасяджэння
Бюро ЦК КП(б)Б ад 24 чэрвеня 1941 г.
НА РБ. Ф. 113, воп. 1, спр. 74, арк. 1.

мель, Мазыр, Оршу былі накіраваны сакратары ЦК Кампартыі Беларусі і адказныя работнікі СНК БССР. 9 ліпеня былі арганізаваны 32 кантрольна-прапускныя пункты на чале з упаўнаважанымі ЦК КП(б)Б і СНК БССР, у гарадах і раёнах рэспублікі "наибольшага следования" бежанцаў для аказання ім дапамогі. 11 ліпеня было прынята рашэнне Бюро ЦК Кампартыі Беларусі аб арганізацыі эвакуацыйнага пункта для аказання дапамогі бежанцам з БССР, а 13 ліпеня кантрольна-прапускны пункт для бежанцаў быў арганізаваны ў горадзе Клімавічы⁴.

У некаторых месцах Беларусі эвакуацыя прайшла больш-менш арганізавана. Так, у дакладной запісцы першага сакратара Вілейскага абкама КП(б)Б І.Ф.Клімава сакратару ЦК КП(б)Б Р.Б.Эйдзінаву ад 29 ліпеня 1941 г. адзначалася:

"26.VI.-41 г. Вилейский обком КП(б)Б, обл. управление НКГБ, НКВД, облисполком, горком и го-

рисполком эвакуировались из Вилейки. Женщины и дети были эвакуированы 25.VI.41. В этот же день были эвакуированы ценности и все секретные документы. Всё это было направлено по маршруту Крулевщина—Полоцк—Витебск.

Партийные и советские органы эвакуировались в связи с подходом к городу группы танков из общей колонны, направляющейся по маршруту Ошмяны—Сморгонь—Молодечно, а также группы диверсантов, выброшенных на окраине Вилейки. Вместе с областным комитетом эвакуировались также районные органы: Островец, Сморгонь, Ошмяны, которые к этому времени были уже оккупированы противником...

При эвакуации из г.Вилейки наибольшую неорганизованность проявили УНКВД и УНКГБ. Вилейская тюрьма была эвакуирована 25.VI.-41 г."⁵.

Незразумела толькі, чаму І.Ф.Клімаў не піша пра

тое, што ў першыя дні агрэсіі нацысцкай Германіі супраць СССР партыйна-дзяржаўны апарат Вілейскай вобласці панёс значныя кадравыя страты. Загінулі другі сакратар Вілейскага абкама партыі Б.Х.Перачынскі, многія супрацоўнікі абкама.

У дакладной запісцы сакратара Беларускага абкама КП(б)Б А.П.Эльмана ў ЦК КП(б)Б "Аб эвакуацыі ў Беларускай вобласці" за ліпень 1941 г. ёсць такія радкі: "...Надо прямо сказать, что только благодаря энергичным мерам, предпринятым обкомом через голову управления Белостокской ж.д., обанкротившихся руководителей дороги Бодунова и Волкова, удалось эвакуировать из Белостока к утру 23 июня, т.е. в течение суток с момента начала войны, семь актива и военных работников и основные силы актива"⁶.

У дакладной запісцы наркама ўнутраных спраў БССР А.П.Мацвеева першаму сакратару ЦК КП(б)Б П.К.Панамарэнку "Аб ходзе эвакуацыі жанчын і дзяцей з горада Гомеля", напісанай не раней за 7 жніўня 1941 г., гаварылася:

"С 3 по 7 августа 1941 года из гор. Гомеля отправлено 4 эшелона с эвакуируемыми из города и района женщинами, детьми и лицами преклонного возраста.

Всего за 3, 4, 5 и 7 августа эвакуировано в 295 вагонах — 7 932 человека и 500 человек выехали лошадьми. 6 августа отправка не производилась из-за отсутствия достаточного количества эвакуируемых.

Порядок отправки — эвакуируемым Гомельским облисполкомом выдаются специальные посадочные талоны, которые при посадке с паспортами предъявляются оперработникам жел. дор. милиции. При получении пропуска граждане, нуждающиеся материально, получают средства на питание в дороге от 100 до 200 рублей на семью. Кроме того, на больших станциях в пути организуются обеды.

При вокзале станции Гомель работает столовая и буфет. В составе эшелона имеется вагон-ларёк с необходимыми продуктами питания, а также идёт специальный вагон с медобслуживающим персоналом.

Время отправления поездов с эвакуируемыми со станции Гомель установлено, т.к. при подаче вагонов в ожидании полной загрузки всего состава затрачивается времени до 12 часов. Поэтому нет скопления на вокзалах и возле вагонов лиц, желающих выехать из города...

Эвакуация семей рабочих и служащих города Гомеля продолжается со станции Гомель. Ежедневными обходами по квартирам работники милиции напоминают населению об эвакуации.

Для охраны общественного порядка, задержания уголовного элемента и др. подозрительных лиц из работников жел. дор. милиции организовано три опергруппы по 26 человек каждая. Кроме того, при отправке эшелонов присутствует от облисполкома представитель эвакуационной комиссии.

До станции Бахмач и Брянск эшелоны сопровождают работниками жел. дор. милиции.

В общее число эвакуирован[ных] за период с 3 по 7 августа входят также 250 детей, отправленных 5.VIII.41 г. без родителей, которые обеспечены провозными в количестве 7 человек, а также продуктами на дорогу.

В соответствии с вашими указаниями, по линии органов НКВД совместно с партийными и советскими организациями гор. Гомеля принимаются меры, которые должны обеспечить эвакуацию женщин и детей до 14 августа с.г.

Народный комиссар внутренних дел
Белорусской ССР А.Матвеев".

На гэтай запісцы ёсць наступная рэзалюцыя: "тов. Эйдинову, тов. Жиженкову (першаму сакратару Гомельскага абкама партыі. — Э.І.). Детей и матерей вывезти обязательно и, по возможности, скорее. Пономаренко"⁷.

На вялікі жаль, у большасці населеных пунктаў Беларусі, асабліва ў Мінску, эвакуацыя насельніцтва была праведзена зусім не так, як у Гомелі. Аб гэтым сведчаць шматлікія і разнастайныя архіўныя крыніцы.

Ужо 23 чэрвеня 1941 г. Бюро ЦК КП(б)Б прыняло наступнае рашэнне:

"17. Слушали: О мероприятиях по устройству граждан, эвакуированных из городов, подвергшихся бомбардировке немецкими фашистами (постановление СНК БССР и ЦК КП(б)Б).

Постановили: В целях устройства граждан, эвакуированных из городов, подвергшихся бомбардировке немецкими фашистами, Совет Народных Комиссаров БССР и ЦК КП(б) Белоруссии постановляют:

1. Обязать областные и районные советы депутатов трудящихся немедленно устроить на работу в колхозах, совхозах и на предприятиях области и района всех граждан, находящихся в пути следования, и приостановить дальнейшее движение эвакуированных.

Для оперативного руководства устройством эвакуированных образовать республиканскую комиссию в составе товарищей: Гайсина (намесніка Старшыні СНК БССР. — Э.І.) (председатель), Хасина (начальника Управління працоўных рэзерваў пры СНК БССР. — Э.І.), Тура (сакратара ЦК КП(б)Б па транспарту. — Э.І.), Пташкіна (намесніка наркама ўнутраных спраў БССР па кадрах. — Э.І.), Румянцева. В областях и районах создать тройки в составе председателей исполкомов, нач. милиции, зав. облрайзо.

...7. Категорически запретить кому бы то ни было использование государственного и кооперативного автотранспорта в целях личной эвакуации. Предложить председателям исполкомов областных и районных советов трудящихся освобождающийся транспорт при устройстве эвакуированных граждан передать для нужд обороны"⁸.

Так запісана ў дакументах. А вось што адзначае аўтарытэтная беларуская даследчыца, кандыдат гістарычных навук Г.Д.Кнацько на падставе аналізу

которым удалось эвакуироваться по железной дороге или автотранспортом.

Так или иначе, в течение 23—24 июня из Минска успели вывезти ценности Госбанка и сберегательных касс, архивы партийных органов. По свидетельству того же М.И.Сарычева, подготовка к эвакуации шла в здании ЦК (имеется в виду старое, не сохранившееся здание, стоявшее рядом с библиотекой имени Ленина по улице Красноармейской) в течение всего дня 24 июня. Как только был получен приказ об эвакуации, архивы были "с молниеносной быстротой погружены на машины и под прикрытием темноты отправлены в Могилёв".

В 20-00 (по другим сведениям в 21-00) (24 czerwca. — Э.І.) все центральные органы власти получили приказ командования Западного фронта эвакуироваться в Могилёв. В 23-30 четверо заместителей председателя СНК выехали из Слепянки в Дом Правительства, чтобы проверить отправку архивов. Как прошла проверка, источник — дневник уже упоминавшегося И.А.Крупени, умалчивает. Такое молчание не случайно. В руки немцев, вошедших через несколько дней в город, попали почти все дела, касавшиеся государственного управления БССР, в том числе: списки членов правительства и их семей с указанием адресов, членов Верховного Совета и их семей, руководящих работников ЦК ЛКСМБ, важнейших государственных структур, а также все мобилизационные дела БССР.

Не успели вывезти оборудование ни одного из 332 промышленных предприятий Минска, смогли эвакуировать лишь часть коллективов некоторых из них.

Из Минска смогли выехать сотрудники некоторых организаций, в основном творческого и идеологического характера (Академии наук, Радиокomiteта, редакций газет и др.), медперсонал и больные части медицинских учреждений (клиник Белорусского института туберкулёза, Белорусского института охраны материнства и младенчества и др.), воспитанники детских садов и домов, семьи военнослужащих, партийных и советских работников, многие из рядовых минчан¹⁴.

Привяждём яшчэ адно меркаванне Г.Д.Кнацько: "...Получается, что последние руководители республики оставили Минск часа в четыре утра 25 июня, все остальные ещё раньше. Насколько велика была спешка, свидетельствует тот факт, что не эвакуировали архив СНК, а председатель президиума Верховного Совета БССР, член бюро ЦК КП(б) Наталевич, как пишет И.П.Ганенко (сакратар ЦК КП(б)Б. — Э.І.), "забыл впопыхах изъять из своего сейфа одну вещь. Не буду называть какую. Допущенная оплошность была крайне неприятной. Досадуя о случившемся, П.К.Пономаренко обратился ко мне с вопросом, не соглашусь ли я вернуться в Минск с тем, чтобы поправить неприятный промах". И.П.Ганенко согласился. Но до Минска 29 июня ему добраться не удалось, кровопролитные бои шли на подступах к Борисову.

Таким образом, мемуары руководителей рес-

публики содержат сведения, что на 3-й день войны секретари ЦК в условиях бомбёжки противником Минска занимались поисками убежища для ЦК, его оборудованием, поисками связи со штабом фронта, эвакуацией своих семей и архивов. В воспоминаниях содержится противоречивый, но вполне сопоставимый материал, позволяющий придти к определённым выводам.

За три дня до оккупации (Мінска. — Э.І.) в трагический для народа период руководители республики без объявления об эвакуации тайно ночью покинули город, бросив жителей на произвол судьбы¹⁵.

У чытача міжволі ўзнікае пытанне: "Якую рэч, забытую ў сейфе Наталевічам, не хацеў называць у сваіх успамінах сакратар ЦК Кампартыі Беларусі І.П.Ганенка?". Звернемся да меркавання беларускага гісторыка Л.А.Сугакі: "Архивы СНК БССР и некоторых наркоматов не были вывезены либо уничтожены и достались захватчикам. П.К.Пономаренко в докладной от 17.08. 1941 г. в ЦК ВКП(б) и СНК СССР вину за случившееся возложил на сотрудников СНК и его председателя И.С.Былинского, упрекая последних в "преступной растерянности", проявившейся в том, что работники "друг другу поручали вывезти или сжечь материалы и не проследили". Если добавить, что, кроме архива, в правительственных помещениях остались в качестве трофеев врагу Почётные знамёна, награды, печати, а глава правительства одновременно являлся председателем Центральной эвакуационной комиссии, то произошедшее вызывает немалое недоумение, даже с учётом сложившейся сложной обстановки¹⁶.

Спробу адказаць на дадзенае пытанне ў гутарцы з аўтарам гэтых радкоў зрабіў беларускі журналіст і гісторык С.Крапівін: "В истории с драпом партийно-советской номенклатуры из Минска, начавшимся со второй половины дня 24 июня 1941 года, есть одно обстоятельство, которому я пока не нашёл документального подтверждения. В разное время три разных человека рассказывали мне, что в Доме правительства было "забыто" Государственное знамя БССР с орденом Ленина. И что, вроде бы, затем из Могилёва в Минск (ещё до вступления в столицу немцев) посылали спецгруппу для поисков знамени.

Существует ли основание для подобной легенды?

Косвенно это подтверждает докладная записка первого секретаря ЦК КП(б)Б П.К.Пономаренко на имя И.В.Сталина "Об итогах эвакуации из Белорусской ССР", которую белорусский лидер составил 17 августа 1941 года. В документе есть такой абзац:

"Архив Совнаркома БССР и ряда наркоматов остался в Минске (в Доме правительства) и не уничтожен. Получилось это из-за преступной растерянности, проявленной работниками и Председателем СНК БССР (И.С.Былінскім. — Э.І.). Друг другу поручали вывезти или сжечь и не проследили. Сейчас дело расследуется. Мною был послан отряд 27.VI. 1941 г. для уничтожения, но пробраться в Минск уже не мог".

І.Ю.Варанкова канстатавала: "...В больницах Минска осталось большое количество больных и раненых. Вечером 24 июня на приём к секретарю ЦК В.Г.Ванееву, ведавшему эвакуацией, пробилась делегация работников Наркомата здравоохранения, Горздравотдела и городских больниц, в ее числе был и будущий подпольщик профессор Е.В.Клумов. Вопрос был один: что делать с пациентами? В сложившейся ситуации он остался без ответа. ...Утром 25 июня из Минска вырвался последний эшелон, на котором уехали сами железнодорожники"¹⁷.

Многія мінчане не змаглі эвакуіравацца, паколькі "неарганізаваных" грамадзян з-за недахопу транспарту вакзал проста не прымаў. Акрамя таго, у сувязі з бамбёжкамі пачалася паніка. Урач Надзея Хатчанка ўспамінала: "24-го в полдень, когда образовался небольшой перерыв в налётах, бросилась с детьми на вокзал, но там была такая давка, что уехать не было никакой возможности"¹⁸.

Многім рабочым фабрык і заводаў забаранілі ісці з працы, каб падрыхтавацца да эвакуацыі, а загадалі заставацца на сваіх прадпрыемствах да асобага распараджэння. Як успамінае сакратар-машыністка Мінскага малочнага завода Анастасія Цітовіч, яна чакала, але так і не дачакалася распараджэння начальства аб эвакуацыі¹⁹. Увечары і ноччу 24 чэрвеня тысячы жыхароў Мінска паспрабавалі самастойна пайсці з палаючага горада па Магілёўскай і Маскоўскай шашах. Зарава ад мінскіх пажараў было бачна на адлегласці 120 кіламетраў.

6 сакавіка 1964 г. былы сакратар ЦК Кампартыі Беларусі па кадрах М.Я.Аўхімовіч успамінаў: "...22/VI бомбы на Минск не падалі. Минск заціхал авіацыйны полк, на вооружении которого было, как я сейчас помню, примерно 50 самолётов. К концу 23 июня все до одного самолёта погибли на подступах к Минску в воздушных боях с наседаящим противником. Последней сгорела штабная машина типа "Дуглас" на самом аэродроме. Минск к исходу 23 июня был беззащитным. Примерно часов в 5 утра 24 июня над городом появились немецкие самолёты (до этого они только прорывались к окраинам города, теперь же стали налетать на Минск волнами). С 5 часов утра до половины 12 ночи 24.VI. над Минском одновременно висело в воздухе по 130-132 самолёта. Они совершенно безнаказанно направлялись с городом и его населением..."²⁰.

У дзённікавых запісах беларускага пісьменніка Янкі Маўра, якія былі напісаны не пазней ліпеня 1941 г., ёсць наступныя радкі:

"...24 июня. (1941 года ў Мінску. — Э.І.) 9 часов — стальной густой треугольник из 40 самолётов. Город запылал. А дальше — через каждые 15 минут. "Хоть бы передышку дали!" — крикнула одна женщина в очереди за хлебом. Пришла страшная ночь. Море огня и дыму. Часа в два вдруг взрывы бомб. Но самолётов нет. Оказывается, это были бомбы замедленного действия. Мужественная смерть электростанции.

25 июня. Продолжение бомбардировки. Самолётов немного, но методично, через 15—20 минут.

Малюнак Г.У.Заборскага "Горючий Минск. 24 июня 1941 г.". Беларускі дзяржаўны архіў навукова-тэхнічнай дакументацыі. НА РБ. Ф. 4п, воп. 3, спр. 1209, арк. 29—30.

Наши зенитки немного постреливают, но стычки в воздухе ни одной. Немцы полные хозяева, летают низко. Утром узнаём, что город оставлен властями. Каждый стал думать сам о себе, т.е. пешком, кто в чём был, ринулись на восток...

Сказочный город и освещение. И "они" в воздухе, бомбят. Скелеты домашних скарбов... Вереницы пеших беженцев. "Слава богу, спаслись от бомбёжки!". Но... на дорогах то же самое!"²¹.

М.Трахімовіч быў непасрэдным сведкам тых трагічных падзей. У прапагандысцкім артыкуле "Як адбывалася эвакуацыя Менску", надрукаваным у калабарацыйнісцкай "Менскай газеце", ён пісаў:

"На трэці дзень вайны пачаліся масавыя налёты нямецкай авіяцыі на асяродак гораду..."

Гэтага дня (24 чэрвеня) усякія напамінкі нармальнага жыцця ў горадзе былі сьцёрты нямецкімі бомбамі. У сутарэньнях дамоў, якія захаваліся пасля выбухаў бомбаў, з'явіліся параненыя. Параненых перавязвалі самі жыхары, бо пра пункты першае дапамогі нікому нічога ня было вядома. А дзесятай гадзіне раніцы ўнутраная радыёсувязь Дома ўраду абвесьціла ўсяму вялізарнаму калектыву службоўцаў пра налёты нямецкіх самалётаў і прапанавала як мага хутчэй пакінуць будынак, ня турбуючыся нават пра сакрэтныя ўсялякія паперы. Больш ужо на пра-

службоўцы Дома ўраду не зьвярнуліся, а ўсе сакрэтныя паперы так і засталіся ляжаць на сталах безліч канцылярыяў аж да прыходу нямецкага войска.

Ад 24 чэрвеня да прыходу нямецкага войска заставалася пяць дзён. Эвакуацыя гораду, здавалася, была б самым разумным разьвязаньнем пытаньня, бо ўжо спыніла падачу энэргіі разьбітая бомбамі электрастанцыя, выйшаў са строю трамвай, папсавалася сетка каналізацыі, прыпыніўся з прычыны адсутнасьці транспарту падвоз мукі на хлебазаводы, пакінулі гандляваць харчовыя крамы. Пры трохсоттрыццацьтысячным жыхарстве гораду гэтыя пагражальныя сымптомы. Трэ' было безадкладна заняцца ўрэгуляваньнем разгрузкі гораду, аднак гэтага і ня было каму рабіць і ня было на чым. Да 25 чэрвеня ў горадзе не засталася ўжо ніводнага адказнага ўрадоўца. Маючы свае машыны, а таксама забраніраваныя месцы ў цягніках, яны часткай выехалі з сем'ямі 22, а часткай 23 і 24 чэрвеня. Такім чынам усё жыхарства, ня маючы ні сваіх машын, ні магчымасці выехаць цягніком, было пакінута на свой лёс. А тымчасам ня менш за паўтары дзеве тысячы машын без гаручага, часткай паразьбіваць нямецкімі бомбамі, але з большага дзейныя, новыя, акалі таксама на свой лёс. Лёсам гэтым стаўся пажар, у якім палынаў ужо ўвесь цэнтр гораду...

Для гораду пачыналася трагедыя. Вялікі водбліск пажарышча стаяў увечары 24 чэрвеня над усходняю часткаю гораду, штораз усё бліжэй, ды бліжэй падыходзячы пад асяродак. Гарэў раён былое Савецкае вуліцы на той бок Сьвіслачы, раён Даўгабродзкай і часткова Старажоўкі. Ад водбліску ўначы ў вартале паміж вуліцамі Валадарскай і Урыцкага было відаць, як бывае сьвісцюшчым першым змрочкам. Злавесна мітусіліся на вуліцах ціхія постаці. Толькі чуваць быў шапталівы шорхат ад тысячаў ног ўздыханьня людзей...

І паплылі вуліцамі рэкі людзей, адны насустрач другім. Адны шукалі ратунку на поўдні, другія на поўначы, трэйція на ўсходзе, чацвёртыя ішлі на захад. Адны ў адных пры сустрэчы пыталіся: "Куды вы дзяце"? І адны адным адказвалі: "На Магілёўскую ішашу... На Барысаўскі шлях... На Рэспубліканскую".

Вакзал ня прыймаў людзей. Праз увесь дзень 24 чэрвеня ішла рэгістрацыя пасажыраў толькі па наркаматах, наркомы якіх яшчэ заставаліся ў горадзе і рэгістрацыю вялі самі наркомы. Такім чынам, частка сем'яў чыноўнікаў НКВД і некаторых яшчэ больш адказных наркаматаў патрапілі пакінуць Менск, пакідаючы ўсе рэчы, выязджаючы як стаяць.

Пачыналася вакханалія вар'яцтва, вакханалія бездапаможнасьці пакінутых абываталяў. Ходзішчы вуліцы застаўляліся мэбляй — ложкамі, канапамі, сталамі, скрынямі, буфэтамі. На вуліцы ляцела вопратка, мяшкі з рознымі анучамі, падушкі, коўдры, гасудак.

Ураньні 25 чэрвеня першыя дымы пажараў пацягнуліся да бястурботнага заспаднага неба з вялікіх дамоў у асяродку гораду.

Яшчэ вартавыя хадзілі вакол НКВД, яшчэ вырыгваліся з пражэрлівага нутра злавеснае ўстанова

незгаральныя скрыні і шафы, зьвязкі архіваў і проста кучы папераў, а ўжо з другога паверху побач з клюбам НКВД выходзіў дым. Колькі паўтаратонных парожных машын, якія выехалі з гаражоў НКВД, былі з боем узяты ашалелым натоўпам і паймчалі немаведама куды. На ўсю былую Інтэрнацыянальную і частку былой Рэспубліканскай расьцягваўся вялізарны натоўп зьняволеных, выведзеных з турмы. Іх гналі з гораду некуды на паўдзённы ўсход. За Юбілейным пляцам яшчэ стаялі калгасныя хурманкі, што папрызвалі з-пад Койданава палітычна ненадзейных для большавікоў людзей, накіраваных на высяленьне. Над ускраінамі гораду зьніжаліся срабрыстыя аэрастаты паветранае загароды. Узыходзіла сонца. Для гораду пачынаўся злавесны, сударгавы дзень апошняе ростані з традыцыямі, з прывычкамі, з рэчавымі напамінкамі аб мінулым, дзень губляньня маткамі дзяцей, а дзецьмі бацькоў, дзень закасоўваньня архітэктурных плянаў разбудовы гораду, які мог бы праз нядоўгі час зрабіцца найпрыгажэйшым і ўпарадкаванейшым месцам Беларусі..."²².

Большасці з тых, хто ішоў пешшу, далёка пайсці не ўдалося — адным дарогу хутка перарэзалі германскія войскі, іншыя проста знясілелі ў шляху і вымушаны былі вярнуцца, трэціх вярнулі, абвінаваціўшы ў панікёрстве. Вядомы выпадак, калі былі вымушаны вярнуцца некаторыя мінчане, якім удалося ўжо эвакуіравацца па чыгунцы. Справа ў тым, што адзін з мінскіх эшалонаў быў пушчаны пад адхіл нямецкімі дыверсантамі ў раёне станцыі Калодзішчы. Рамуальд Матусевіч, які ўспамінаў аб гэтым, у 1941 г. быў 14-гадовым хлопчыкам. Ён сам, яго сястра, маці з нованароджаным братам на руках дабраліся да Мінска, калі там ужо былі нямецкія войскі²³.

Дакументы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь сведчаць, што працэс эвакуацыі насельніцтва Беларусі ў 1941 г. праходзіў не так, як прадстаўлены ва ўспамінах і шматлікіх інтэрв'ю П.К.Панамарэнкі. Так, 18 ліпеня 1941 г. адбылося пасяджэнне Бюро ЦК КП(б)Б пад старшынствам другога сакратара ЦК Кампартыі Беларусі П.З.Калініна. П.К.Панамарэнка ў той час адсутнічаў. У ліпені 1941 г. ён быў членам Ваеннага савета Заходняга, а потым — Цэнтральнага фронту. На пасяджэнні праца рэспубліканскай эвакуацыйнай камісіі была падвергнута рэзкай крытыцы. Прывядзём фрагмент з пратакола № 70 гэтага пасяджэння:

"7. **Слушалі:** О ходе эвакуации (тов. Былинский)

Постановили: ЦК КП(б)Б отмечает в работе эваку. комиссии отсутствие точных данных об эвакуации.

В работе эваку. комиссии нет организованности, ясного представления о проделанной работе и о том, что надо делать дальше. Отсутствует забота о проведении настоящей эвакуации. Контрольно-эвакуационные пункты не созданы в ряде необходимых мест.

ЦК КП(б)Б требует в эвакуационном деле военного порядка.

ЦК КП(б)Б обязывает эваку. комиссию:

а) опираться в своей работе на наркоматы и руководство железных дорог;

б) на вокзалах создать мощные погрузочные бригады;

в) обеспечить работу контрольно-эвакуационных пунктов;

г) продумать тщательно все вопросы эвакуации населения городов. Установить конечные пункты эвакуации населения;

...з) привлечь сельское население к эвакуации;

...л) направить в Гомель в качестве ответственного за эвакуацию т.Волошина, в Полесье — т.Крупеню, в Добруш — т.Гайсина"²⁴.

На вялікі жаль, многія з указанняў Бюро ЦК Кампартыі аб ліквідацыі недахопаў у ходзе эвакуацыі насельніцтва так і не ўдалося ажыццявіць.

Аналізуючы асаблівасці эвакуацыі ў заходніх і цэнтральных абласцях БССР у пачатку Вялікай Айчыннай вайны, беларуская даследчыца Л.А.Сугака прыйшла да высновы, што можна гаварыць аб зрыве масавай планамернай эвакуацыі з заходніх абласцей Беларусі, але не аб зрыве эвакуацыі наогул, што лепш за ўсё эвакуацыя прайшла на Палессі, чаму садзейнічалі некаторы запас часу, абумоўлены спецыфікай развіцця тут ваеннай абстаноўкі, а таксама наяўнасць зручнай воднай камунікацыі, якая дапаўняла сухапутныя шляхі зносін²⁵.

У той жа час нельга не пагадзіцца з думкай беларускага гісторыка Л.С.Скрабінай аб тым, што эвакуацыя практычна не ахапіла насельніцтва ў сельскай мясцовасці і раённых цэнтрах: "По воспоминаниям очевидцев, эвакуация там не проводилась, не было никакой информации об эвакуационных пунктах. Лишь немногие жители районных центров (в основном евреи), сумевшие нанять подводу, смогли уехать на близлежащие железнодорожные станции. Практически всё сельское население осталось под оккупацией..."²⁶.

Да сённяшняга дня, акрамя афіцыйнай лічбы 1,5 млн чалавек, якія эвакуіраваліся з БССР у савецкі тыл, называюцца розныя іншыя лічбы. Прывяду фрагмент аднаго з дакументаў, знойдзенага ў фондах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь і датуемага жніўнем 1942 г.:

"Совершенно секретно
Государственный Комитет Обороны
Товарищу Сталину И.В.

О создании Белорусских армий

...Формирование армий произвести за счёт следующих ресурсов:

...д) По учёту значатся 780 000 чел. эвакуированного населения из Белоруссии. На 127 000 имеется списочный учёт.

Секретарь Центрального Комитета КП(б) Белоруссии (П.Пономаренко)"²⁷.

Па падліках аўтара, колькасць насельніцтва, эвакуіраванага з БССР у 1941—1943 гг., складае прыкладна 750—780 тыс. чалавек. Такім чынам, ёсць сур'ёзныя падставы лічыць, што афіцыйная лічба эвакуіраваных з БССР у 1,5 млн чалавек з'яўляецца завышанай.

Такім чынам, у Беларусі быў упушчаны час для пачатку арганізаванай эвакуацыі насельніцтва, што

прывяло да неапраўданай гібелі соцень тысяч людзей. Партыйныя кіраўнікі больш думалі аб тым, як лепш падрыхтаваць справаздачу ў Маскву, чым аб свеечасовай і добра арганізаванай эвакуацыі. Пры гэтым іх больш цікавіла эвакуацыя матэрыяльных рэсурсаў, сакрэтных архіваў, а не людзей. Эвакуацыя насельніцтва Беларусі ў савецкі тыл стала адначасова і подзвігам, і трагедыяй. У той жа час трэба прызнаць, што без эвакуацыі насельніцтва ўрэшце рэшт не было б і нашай Вялікай Перамогі над нацызмам.

¹ Аляхновіч Г.І. Эвакуацыя // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне. 1941—1945. Энцыклапедыя. Мн., 1990. С. 646.

² Куманев Г. Рядом со Сталиным. Смоленск, 2001. С. 144—147.

³ Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей — НА РБ). Ф. 4п, воп. 3, спр. 1214, арк. 2—13.

⁴ Там жа. Воп. 29, спр. 1, арк. 1—55.

⁵ Там жа. Спр. 3, арк. 173—174.

⁶ Там жа. Воп. 33а, спр. 64, арк. 36—37.

⁷ Там жа. Воп. 29, спр. 2, арк. 386—387.

⁸ Там жа. Воп. 3, спр. 1214, арк. 2—13.

⁹ Княцько Г.Д. Правящие круги Беларуси летом 1941 г. (Анализ мемуарных источников) // Старонкі ваеннай гісторыі Беларусі. Вып. 1. Мн., 1992. С. 78.

¹⁰ Княцько Г.Дз. Прадстаўнікі правячых колаў Беларусі ў першыя дні вайны // Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Мінска. У 4 кн. Кн. 4. Мн., 2005. С. 47.

¹¹ Княцько Г.Д. Правящие круги Беларуси летом 1941 г. (Анализ мемуарных источников). С. 86.

¹² Воронкова И.Ю. Минск 22—28 июня 1941 года // Сообщения Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. Вып. 2. Мн., 2003. С. 16, 19—20.

¹³ Княцько Г.Д. Правящие круги Беларуси летом 1941 г. (Анализ мемуарных источников). С. 87.

¹⁴ Воронкова И.Ю. Минск 22—28 июня 1941 года. С. 20—21.

¹⁵ Княцько Г.Д. Правящие круги Беларуси летом 1941 г. (Анализ мемуарных источников). С. 91.

¹⁶ Сугако Л.А. Об особенностях эвакуации в западных и центральных областях БССР в начале Великой Отечественной войны // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук. 2008, № 2. С. 14—15.

¹⁷ Воронкова И.Ю. Минск 22—28 июня 1941 года. С. 21, 23.

¹⁸ Хатченко Н.В. Воспоминания // Фонды Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. Н/в 21 334.

¹⁹ Цитович А.Я. Воспоминания // Там жа. Н/в 8 786.

²⁰ НА РБ. Ф. 4п, воп. 33а, спр. 697, арк. 1—16.

²¹ Янка Мавр. "Мне кажется, мы все будем другие..." // Нёман. 1989, № 11. С. 131.

²² Трахімовіч М. Як адбывалася эвакуацыя Менску // Менская газета. 1941, 7 лістапада. С. 3.

²³ Матусевич Р. Воспоминания // Фонды Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. Н/в 14 733.

²⁴ НА РБ. Ф. 4п, воп. 3, спр. 1214, арк. 55—59.

²⁵ Сугако Л.А. Об особенностях эвакуации в западных и центральных областях БССР в начале Великой Отечественной войны. С. 20.

²⁶ Скрыбина Л.С. К проблеме эвакуации населения Беларуси в тыловые районы СССР // Беларусь. 1941—1945. Подвиг. Трагедия. Память. В 2 кн. Кн. 2. Мн., 2010. С. 61.

²⁷ НА РБ. Ф. 4п, воп. 33а, спр. 225, арк. 67—69.